

Кузнецова Татьяна Ивановна

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

Татьяна Ивановна Кузнецова

Светлая печаль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66444416

ISBN 9785005538147

Аннотация

«Светлая печаль» – сборник, состоящий из повести и рассказов. Истории затронут судьбы и обычных людей, и людей, живущих творчеством. И ответят на несколько вопросов. Можно ли жить без права выбора? Можно ли спастись от «Лакримозы»? В чем смысл творчества? Простительно ли бездействие?

Содержание

Худший слуга	5
1	5
2	24
3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Светлая печаль

**Татьяна Ивановна
Кузнецова**

© Татьяна Ивановна Кузнецова, 2022

ISBN 978-5-0055-3814-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Худший слуга

«Благими намерениями вымощена дорога в ад...»

1

Андрей был уже совсем взрослый. Ему было целых 9 лет. Все вокруг него часто говорили «уникальный», «алмаз» и «вас ждёт с ним великое будущее». Андрей читал в одной толстой позолоченной книге о камнях и знал, что такое алмаз. В общих чертах молодой человек понимал и слово «уникальный». В полупрозрачной дымке непонимания оставалась только фраза «вас ждёт с ним великое будущее». Но Андрей никогда не спрашивал, что она значит, потому что ему бы никто не ответил.

Но, несомненно, молодой человек понимал, что все эти слова относились к нему. Однажды, будучи шестилетним, мальчик сказал своему слуге, Марсу:

– Марс, я алмаз. А алмаз обязательно ждёт великое будущее.

Слуга, расчёсывавший светлые волосы молодого господина, задумчиво промычал и настороженно посмотрел на него.

Марс был слугой у Андрея уже шесть лет, его приняли на службу через пару недель после появления его молодого господина в доме. Тогда Марс Спектрович был студентом. Он подавал большие надежды и был полон ими. Но как почти всякий студент он очень нуждался в деньгах и не желал обременять этим родителей. Когда он был занят поисками достойного заработка, город загудел новостью о том, что знаменитая на весь мир оперная певица, наконец, нашла себе преемника и воспитанника и теперь занята поисками слуги для него.

Марс недолго думал. Оказаться в доме, где должны были часто бывать умные и великие люди этого мира, казалось заманчивым. А тут ещё и хорошие деньги. Да и интересно было, чем же смогло расположить к себе это молодое дарование Лиру Михайловну, увидеть которую в роли наставника своих детей хотели многие родители.

Претендентов на должность слуги «молодого господина» было больше даже чем клавиш на двух органах. Но подходил только Марс. Только он умел водить машину, знал основы самообороны, был находчив, аккуратен. Единственной трудностью для студента было отказаться от обучения в университете. Однако трепет и любопытство перед воспитанником Леры Михайловны взяли верх.

В тот же день, когда Марс Спектрович перевёз все свои вещи в дом оперной певицы, ему выдали чёрный фрак и специальный значок. Вообще ему выдали всё обмундирование,

но сильно запомнились именно эти вещи. Чёрный чуть старомодный фрак, изменивший его до неузнаваемости, оттолкнувший время вокруг него на пару десятков лет назад. И серебряный значок в форме скрипичного ключа изогнутого в виде сердца, который навсегда присвоил Марса Андрею.

На следующий день Лира Михайловна неторопливо плыла своим полным телом по второму этажу, мелькая между столбиками балюстрады, а рядом с ней, еле сдерживая свой шаг, шёл Марс. Оперная певица посвящала нового слугу в его основные обязанности, ведя его к комнате своего подопечного. Правда, комнатка бывшего студента была соседней с комнатой его молодого господина, поэтому им пришлось сделать огромный круг по владениям Леры Михайловны, чтобы она успела направить слугу к его новой цели в жизни.

Марс внимательно слушал, но в мыслях уже отворял красивую белую дверь в покои Андрея, поэтому то и дело поправлял значок на лацкане фрака.

И, наконец, этот момент настал. Мужчина открыл дверь, пропуская Лиру Михайловну, и вошёл сам. Огромная, не сравнимая с его, комната заставила Марса приподнять плечи. Всю противоположную стену занимал огромный книжный шкаф, из которого выпирали, желая выскочить книжки с толстыми ядовитыми корешками. У левой стены стояла огромная высокая кровать с воздушной объёмной, как облако, постелью. Рядом с дверью начинался длинный

шкаф тёмного дерева. У другой стены пристроилось фортепиано перед единственным окном, резной пюпитр, письменный стол и маленькая скамеечка. На ней сидел игрушечный заяц с чёрными глазами и какой-то серый медведь. Марс знал, что эти игрушки были изготовлены очень знаменитой компанией. Правда его младшая сестрёнка никогда не тянула ручки в магазине к ним.

В этом сумраке комнаты-гиганта Марс не сразу нашёл своего молодого господина. Прячась под сугробом одеяла, Андрей настороженно наблюдал за Лирой Михайловной и чёрной худой с острыми, резкими краями птицей, у которой за спиной был раздвоенный хвост.

Певица пластично взмахнула пухлыми ручками и присела на край кровати. Отогнув край одеяла, чтобы видеть подопечного, она полным силы голосом протянула:

– Андрей, это твой слуга. Его зовут Марс. Он будет ухаживать за тобой и всегда сопровождать.

Марс при этих словах чуть отставил и согнул левую ногу, левую руку завёл за спину, а правую прижал к значку, висящему у сердца. Этому его успели научить один слуга и дворецкий Лиры Михайловны перед завтраком.

Андрей смело вылез из своего убежища и с детским любопытством наклонился вперёд, рассматривая птицу, которую почему-то зовут Марсом. Студент встал и сделал шаг к молодому господину. Мальчик, который, наконец, смог увидеть добрые карие глаза, со схожим любопытством смотревшие

на него сквозь косые прядки чёрных волос, повернулся к своей наставнице и тихо, неуверенно спросил:

– А мама придёт когда?

Лира Михайловна строго посмотрела на воспитанника. Мальчик сник ещё больше и снова робко посмотрел на своего слугу.

– Твои родители придут через несколько месяцев. – Эти слова она как всегда пропела, но в голосе при этом были раздражение и усталость, которые портили полюбившийся всему миру непредсказуемый бархатный и многогранный голос.

Лира Михайловна встала, подошла к Марсу и вновь помилевшим голосом протянула:

– Следуйте расписанию. Мы не можем терять ни секунды от времени, дарованному его голосу.

Она выплыла из комнаты. Марс повернулся к молодому господину и вновь увидел этот настороженный взгляд: он был сдобрен любопытством, но страха в этих больших голубых глазах было больше. У Марса была сестрёнка этих же лет, поэтому он был уверен во всех своих действиях.

Он подошёл к мальчику и присел перед ним. Андрей вцепился в «облако» и прикрыл им трепещущую грудь. Марс искренне улыбнулся. Он был самый обыкновенный, безусловно, красивый и златовласый, как ангел, но видел мир, как обычный трёхлетний малыш.

– Доброе утро, молодой господин. Вам пора умываться и одеваться.

Кровать была очень высокой для Андрея, поэтому Марс протянул руки к нему, предлагая спуститься. Мальчик посмотрел в добродушное лицо слуги, и, хоть и робко, но доверчиво протянул ручку и сжал большую ладонь в белой перчатке. Студент взял молодого господина на руки и понёс в ванную.

Малыш потянулся к зубной щётке и стал неумело водить ею по зубам, видимо, он самостоятельно столкнулся с этим утренним ритуалом совсем недавно. Марс не вмешивался, лишь стоял с полотенцем наготове.

Андрей тщательно тёр своё личико, было видно, что эта новоприобретённая самостоятельность нравилась ему. Когда он повернулся весь мокрый к слуге, тот снова улыбнулся и стал вытирать лицо господина.

– Вы усердно следите за собой, молодой господин. – Похвалил он его. Малышам нужны подобные похвалы.

– Да. Служанка с блестящей птичкой на груди сказала, что я большой мальчик, а значит, сам должен следить за собой.

По описанию нагрудного значка Марс понял, что это служанка Лиры Михайловны. Похоже, никому не нужны были лишние обязанности, связанные с Андреем, поэтому заставляли делать многое его самого.

От раздумий слугу отвлёк молодого господина, которого он сажал на кровать, чтобы одеть.

– А у тебя другой значок. Зачем тебе он?

– Он значит, что вы мне дороги, и я буду всегда за вами

присматривать.

Мальчик робко улыбнулся.

В той одежде, что ему приготовили, мальчик стал похож на истинного стереотипного маленького англичанина, образ которого уже начал уходить в прошлое. Серые шорты-бриджи, белая шёлковая блестящая сорочка и небольшая жилеточка с тусклыми пуговицами делали Андрея каким-то хрупким, бледным и болезненным, но при этом добавляли ему несколько лет к возрасту. То ли одежда заставляла его чувствовать себя скованней, то ли она просто создавала ему такой образ, но сейчас Марс видел перед собой сдвинувшего бровки, словно он чем-то недоволен, повзрослевшего мальчика. Скучный свет из единственного окна лишь утверждал это впечатление.

Улыбка на миг пропала с лица слуги, он провёл по глазам рукой. Видя, что молодой господин выжидающе смотрит на него, Марс улыбнулся, протянул руку Андрею и повёл его на завтрак.

После утреннего чая у мальчика тут же начинались уроки. Пока что лёгкие, прививающие больше усидчивости, чем знаний. Как и во время завтрака, Марс стоял чуть левее за стулом своего господина, готовый в любой момент по первому зову прийти к нему на помощь.

На уроке мальчик явно скучал, а временами и робел перед учителем. Поэтому он часто поворачивал золотистую чёлочку к слуге. Студент чуть улыбался, но тут же кивал ему

на педагога. Андрей поворачивался, но через несколько минут снова отвлекался. Учитель терпел долго, но всё же приказал ученику протянуть руки вперёд. Малыш уже знал, что следует за этими словами, поэтому спрятал ручки за спиной. Учитель начал злиться, мальчик испугался и покорно протянул руки вперёд. Марс чуть наклонил голову, зашторивая глаза косою чёрной чёлкой. Послышался свист, плещущий звук соприкосновения плётки нежной кожи, а потом всхлипы.

Учитель, игнорируя слёзы Андрея, довёл урок до конца и удалился. Марс сразу же кинулся к своему господину и подхватил его на руки. Мальчик уткнулся в плечо своего слуги, теперь он стал плакать сильнее, будто сдерживался до этого. Мужчина слегка погладил его по голове и отстранил от себя. Андрей снова потянулся к плечу, но слуга остановил его вопросом:

– Тебе больше обидно или больно?

Мальчик озадачился, затих. Он действительно задумался. Вытерев слёзы кулачком, на котором краснела свежая полоска, он посмотрел в тёплые улыбающиеся и сопереживающие глаза Марса и ответил:

– Обидно.

– Но ведь учитель хотел поделиться с тобой знаниями, а ты его не уважал, не слушал. Ему тоже было обидно.

Молодой господин уже совсем отвлёкся. Он нахмурил лобик, переживая новое для себя открытие. Марс нёс его

в комнату, чтобы быстро умыться и отправиться с ним на урок Лиры Михайловны.

– Марс, я должен буду в следующий раз попросить прощение у учителя.

Андрей повернул к слуге лицо, спрашивая о верности своего решения и ища сил для его исполнения.

– Верно, мой господин. Старайтесь никогда не обижать людей, которые хотят дать вам что-то хорошее. Самые хрупкие сердца у щедрых людей, потому что очень многое они отдают от сердца.

– Что же они отдают?

Мальчик наклонился к слуге, когда они проходили через дверной проём.

– Много чего. Любовь, советы, заботу, много чего.

Эти слова Андрей почувствовал руками, которыми он обхватил шею Марса. На них передалось тёплое гудение его голоса. Наверное, поэтому их мальчик запомнил надолго.

Через десять минут Андрей с румяными влажными щёчками вошёл в огромную залу, в центре которой величественно выгибал спину благородный чёрный рояль. Как бы ни старался Марс рассмотреть картины или вазы, располагающиеся по периметру, но это ему не удавалось. Рояль, словно бездна, притягивал, переманивал взгляд из любого уголка комнаты, он словно пожирал пространство.

За роялем сидел мужчина средних лет, больше про него ничего нельзя было сказать. Его поглотил рояль, пианист

стал его тенью, частью. Около рояля в красном платье, просящемся на сцену, стояла, опираясь на инструмент и покаяясь, присмирив его, Лира Михайловна. Она чувствовала его силу, но было видно, что чувствовала своё преимущество и силу над ним.

Наставница потребовала снять жилеточку с Андрея и отослала Марса с ней к стене. Только со стороны слуга увидел, какой же маленький и хрупкий его трёхлетний господин перед роялем и Лирой Михайловной. Марс испугался и было сделал шаг к мальчику, но опомнился и настороженно застыл.

Певица обошла вокруг своего воспитанника, развернула ему плечи, приподняла подбородок. Мальчик уже привык к этому, поэтому послушно застыл в этой гордой позе. Певица что-то тихо сказала Андрею, потом пианисту.

Пальцы побежали по шаткой и непредсказуемой чёрно-белой дороге, медленно возвышая звук. Лира Михайловна сильным, грудным, уверенным в каждом следующем звуке голосом пропела гамму. Марс никогда не был в опере на выступлении этой русской певицы, поэтому его восхитил этот звук, который, казалось, звучал не только в его ушах, но и тихо дребезжал и отзывался в его груди. Бывший студент даже закрыл глаза и приложил руку к лацкану фрака.

И вдруг совсем юный голос, чуть торопливый, забегающий вперёд рояля, прерывающийся из-за маленьких лёгких, расширил комнату, ослепил своим светом видевшие мно-

го красивого глаза Марса. Он слушал этот воистину ангельский, похожий на звон сосулек, плеск воды, свист упругой живой ветки и шёпот листьев голос. Этот невинный голос вызывал трепет в груди, пугал сокрытой в нём силой. Марс с трудом сдерживался, чтобы не заплакать и не засмеяться от этого счастья, которое он получил возможность пережить. Теперь слуга понял, почему этот маленький мальчик получил возможность обучаться у столь известной в искусстве личности. Если его голос поражал души только в начале обучения на простом пении гаммы, то что за цветок вырастет из этого ростка?

Эти полтора часа Марс то взмывал под действием голоса своего господина, то опускался на землю от голоса Леры Михайловны. Такого катарсиса студент не переживал ещё никогда. Этот голос не надоедал, когда же он умолк по завершению урока, то душа Марса была не опустошённой, нет, она была лёгкой, открытой и воодушевлённой к новым поворотам жизни.

Лира Михайловна погладила мальчика по голове и тут же вместе с пианистом покинула зал. Марс подошёл к раскрасневшемуся, утомлённому Андрею.

Волосы мальчика растрепались, сорочка была мокрая, словно он носился по саду, он очень устал. Но глаза его ещё светились силой голоса. Было видно, что он отдавал всю силу в пение, и ему это нравится. Марс опустил на одно колено, чтобы надеть жилет на Андрея. Мальчик тёр пальчи-

ками глаза, ему хотелось спать.

– Вы хорошо, нет, потрясающе поёте, молодой господин. Я никогда в жизни не слышал чего-то столь сильного, чтобы могло пробудить человека. – Марс убрал с лица Андрея волосы. – Но неужели вы всегда так сильно утомляетесь?

– Не всегда. – Мальчик смущённо стал вертеть пуговицы жилета. – Я просто хотел понравиться тебе.

Эти слова очень тронули Марса. Его господин знал его всего половину дня, но он уже доверял своему слуге, верил, хотел нравиться. Этот подарок мальчика был для него равен неумелому, но выполненному с желанием обрадовать, подарку сестрёнки. Ей было пять лет, и она дарила Марсу закладки для книг на дни рождения. У студента их было уже три. Все три закладки помечали его самые любимые книги. Они были украшены неловко вырезанными цветочками, улыбающимися божьими коровками и звёздочками, они были такими радостными и гладкими, как личико его любимой сестрёнки. За всё время, что он проведёт в доме Леры Михайловны, Марс не раз достанет эти закладки, грустно вздохнёт, погладит по крупной звёздочке и уберёт назад. Одной из вещей, о которой мужчина будет жалеть эти года – о невозможности видеть взросление своей маленькой сестры.

Марс взял в белую перчатку ручку мальчика, а другую положил на плечо. Он улыбнулся и честно сказал:

– Вы мне очень нравитесь. Вы очень щедрый мальчик, вы

подарили мне очень много светлого своими стараниями и голосом.

Андрей поднял голову, его глаза, хотя и закрывались от усталости, но светились счастьем. Марс встал, задумчиво посмотрел на пышущий солнцем и жизнью сад по другую сторону окна и медленно произнёс:

– Господин, перед обедом у нас есть час. Как вы смотрите на то, чтобы переменив сорочку, отправиться и отдохнуть в сад. Ваша наставница рекомендовала вам, конечно, в это время самостоятельное занятие музыкой. Но в данной ситуации выбор принадлежит вам.

– Марс, хочу в сад!

Мальчик даже не задумался в силу возраста о том, что было бы для него лучше. Он был настоящим ребёнком, который сейчас хотел играть.

Андрей почти побежал в сад, Марс своими огромными шагами легко следовал за ним. Лицо его господина оживилось, забыв про скучные, утомительные уроки. Только ручки дверей на террасу остановили его господина. Коротенькие ручки изо всех силу хотели дотянуться и открыть дверь в то чудесное место, чуждое от позолоты. Марс скоро, словно за их спинами нависала какая-то тень, положил руку и, приложив даже больше силы, чем следовало, нажал на неё. Чудесные живые звуки, богатые ароматы и свежий ветер вытянули слугу и господина в светлый сад.

Андрей замер в восторге и через секунду сбежал со сту-

пеней. Он обежал эту небольшую огороженную живой изгородью шиповника часть сада и запрокинул голову, заметив чайку в небе.

Малыш остановился возле клумбы с очень красивыми белыми цветами и присел возле неё, он слегка дотрагивался до рваных краёв лепестков. Над этими цветами на высокой стене сидели и пели, и чирикали, и заливались птицы. Мальчик посмотрел на них, улыбнулся и запел своим удивительным голосом, вторя им. Его песня была весёлой и даже ещё больше понравилась Марсу, он легко рассмеялся. Его господин оглянулся и тоже засмеялся звонким юным голоском.

Слуга видел, что его юному господину немного одиноко, он очень хотел сесть с ним и поиграть, но боялся, что Лира Михайловна не поощрит его затею, напротив сделает ему выговор. Всё же он нанимался слугой и обязан был вести себя как слуга.

Подумав, что мальчик, набегавшись, захочет пить, Марс заглянул в дом и попросил одного слугу принести лимонад. Вернувшись к Андрею, мужчина увидел, что он лежит на траве и спит. Марс подошёл к нему и аккуратно поднял с земли. Его господин даже не открыл глаз – так сильно устал. Безвольные, кукольные руки и ноги качались, пока Марс нёс его к плетёной тахте, стоящей неподалёку.

Уложив Андрея, Марс сел рядом. Хотя изначально слуга думал о чём-то неважном, постороннем, наблюдая за потрясающим садом, но в итоге и мысли, и взгляд его обратились

на молодого господина. Он наслаждался даже во сне светом солнца, казалось, что его золотые прямые волосы, растрепавшиеся по маленькой подушечке, напитывались светилком. Худое тело с фарфоровой кожей действительно было точно кукольное. Он и одет был, как дорогая кукла от хорошего мастера: чуть старомодно. Странно, но хотя мальчик и выглядел ухоженно, дорого, аристократично Марсу стало снова грустно при его виде.

За спиной хлопнула дверь, и послышались крики Лиры Михайловны:

– Скорее! Скорее заносите! Скорее заносите его в дом!

Марс вскочил и поспешил навстречу певице, боясь, что шум разбудит господина.

– Простите мою дерзость, но вы разбудите молодого господина. – Быстро сказал он шёпотом, отставляя ногу и наклоняя голову.

– Уносите его в дом, ему нельзя потемнеть!

Голос Лиры Михайловны был преисполнен паникой.

– Но почему, госпожа? Господин выглядит очень болезненно, бледно, ему необходимы воздух и солнце.

– Ты не понимаешь! Для него уже пишут роль, а для неё у Андрея должна быть хрупкая фарфоровая кожа. Немедленно занеси его в дом и разбуди, скоро обед!

Марс, понимая, что он не имеет шанса на то, чтобы переубедить леди, взял на руки молодого господина. Подойдя вместе с ним к его наставнице, Марс остановился и сказал:

– Прошу вновь простить мне дерзость. Но детям нужен свет, свет в душе и свет в жизни. Он одинок, а одинокий ребёнок не может развиваться. Ему стоит найти друга. Я весьма мало знаю об искусстве, но я бы не смог петь, если бы был несчастен. Точнее не захотел бы.

Марс занёс господина в тихий дом, оставив за спиной задумавшуюся Лиру Михайловну.

За обедом только что разбуженный Андрей был оживлён и ел с аппетитом, которого утром слуга не отметил. Небольшая прогулка положительно повлияла на мальчика. Пару раз он даже пытался спросить что-то у наставницы, которую, похоже, побаивался, но, не встретив заинтересованности, умолк. Голова мальчика всё время, пока он ел, обращалась к Марсу и окну, очень узкому, но сад всё же виден был.

Марс сам почувствовал себя живее, когда на него посмотрели сияющие, успевшие впитать в себя немного небесной лазури глаза. Хотя студент получил выговор от Леры Михайловны, но сейчас понял, что никогда ещё в жизни не делал поступка лучше, чем этот. Он решил придумать новый способ осчастливить этого ребёнка.

После обеда у Андрея было ещё несколько теоретических занятий, урок игры на рояле, а потом фехтование в огромном пустом зале. Молодому господину стремились дать воистину королевское образование. На всех этих уроках Марс был его тенью. Он отметил, что хотя усидчивости у мальчика не хватало, но способности были ко многому. Он очень

логично рассуждал для своих лет, его пальцы, компенсируя временную короткость, резво бегали по клавишам, тело становилось натянутой струной, когда он выкидывал вперёд рапиру. Но всё это отнимало много сил.

Когда стемнело, Марс, сопровождавший господина в его комнату, заметил, что Андрей часто спотыкается, а один раз слишком сильно зацепил угол. Слуга сжалился над ребёнком и взял на руки.

– Постарайтесь не заснуть, господин. Вам нужно ещё принять ванну. – Предупредил Марс.

Мальчик, честно стараясь не заснуть, стал водить по значку на лацкане фрака слуги. Эта брошь явно нравилась ему.

Однако, донеся до комнаты господина, Марс увидел, что тот всё же уснул, ухватившись белыми тонкими пальчиками за блестящий изогнутый скрипичный ключ.

Подготавливал одежду, следил за состоянием комнаты господина и наполнял ванну кто-то другой из слуг. Поэтому Андрея пришлось тут же разбудить. Сначала мальчик всё время впадал в дрему, но после горячей воды усталость отступила. Мальчик, переодетый в чистое мягкое ночное платье, бодро подошёл к своим скромным игрушкам и взял за ухо зайца с чёрными глазами. Марс только решил напомнить господину, что время для игр позднее, но он уже сам небрежно разжал кулачок, и игрушка упала на пол. Слуга удивлённо осёкся, но тут же опомнился и поспешил поднять господина на кровать.

Справившись об удобстве Андрея, Марс потушил свет. Единственным источником света остался канделябр, с которым слуга должен был уйти. Мужчина потянулся за ним, но вдруг почувствовал, что его тянут за полу фрака.

– Марс, мне не нравится засыпать одному. Расскажи мне историю, чтобы я уснул. – Жалобно попросил мальчик.

Его глаза блестели от мерцания свечей, кожа из-за тёплого освещения казалась смуглой, он был сейчас обычным домашним малышом. Марс ничего против не имел, он часто дома читал сказки сестре, ему это даже нравилось. Нравилось в один момент встречать любопытные глазёнки, а в другой уже видеть, как это бойкое днём создание умиротворённо сопит носиком, обнимая мягкого игрушечного медвежонка.

Слуга подошёл к книжному шкафу и, пробежав взглядом по названиям на корешках, ужаснулся. Умные иногда даже непонятные слова вспыхивали маленькими кошмарами. Марс вернулся к кровати и, присев на её край, сказал:

– Ну, слушайте...

Андрей слушал и с восторгом смотрел вокруг. Под потолком проносились небольшие самолётики с храбрыми лётчиками в кабинах, на белых волнах одеяла то тут, то там выныривали добрые и умные дельфины и аплодировали ему плавничками. По подушке, торопливо перешагивая через его чуть влажные прядки, шёл и нёс над головой что-то сверкающее Данко, а за ним спешили люди с воодушевлёнными

лицами. В окно стучалось доброе мудрое древо, приглашая его узнать весь этот чудесный мир, что скрывается за шиповником и стеной. Даже Марс рядом превратился в доброго волшебника. Длинные косые пряди раздвинулись, открывая острое лицо, на котором тень нарисовала добрые круглые очки. Фрак врос в пол, образовав балахон, как у турецкого султана.

Марс, потешив его историями о том, что и сам бы хотел увидеть, стал рассказывать о звёздах, лесе и пруде, где эти звёзды купаются. Голос становился всё тише, умиротворённое, всё больше убаюкивал.

В один момент он посмотрел на своего господина и увидел, что он уснул. Марс взял канделябр с сильно прогоревшими свечами и тихо выскользнул из комнаты.

У двери в свою комнату Марс обнаружил заботливо оставленный кем-то поднос с остывшей едой и морсом. Только теперь мужчина понял, что он в последний раз ел только утром. Переживая за своего господина, он забыл о собственном голоде и пропустил все приёмы пищи для слуг.

Быстро поев и приготовившись ко сну, Марс лёг в кровать и тут же провалился в сон.

2

Так длилось несколько недель. Марс ухаживал за своим господином, пытался разнообразить его досуг в часы отдыха, а перед сном рассказывал ему истории о чудесном, манящем мире.

Лира Михайловна всё же прислушалась к словам Марса, и к ним в дом стали ездить господа Эгольд, Тихон, а также юная леди Руслана. Господа были братьями восьми и одиннадцати лет, они тоже учились музыке у одного знакомого Леры Михайловны. Младший Эгольд, как и Андрей, учился пению, этому делу он посвятил уже пять лет. Нельзя было сказать, что мальчик был бездарен, но, наблюдая за Андреем во время принятия гостей, Марс слышал отчётливо чётко, как наставница его господина назвала младшего брата посредственностью.

Эгольд был весьма утомительным гостем. Громким капризным голосом он кричал на всю залу о намерении быть ведущим в игре или громко пищал, если не успевал первым сесть за рояль, чтобы похвастаться новым выученным этюдом. Он был вздорным и гордым по натуре. Поначалу, задирая подбородок к потолку, он говорил Андрею:

– Хах, малыш Андрей, мне вчера пообещали, что на рождество, если я к тому времени выучу романс, я буду выступать в доме Монтгомери. Да, да, тех самых.

Андрей удивлённо смотрел на него, он не понимал, что за важность скрывается за этим фактом. Потом наставники, видимо, разъяснили Эгольду о будущем, которое ждало Андрея, но которое было неосуществимо для самого посредственного мальчика. После этой неприятной правды взгляд гостя стал злым, голос – ещё визгливее. Несколько раз он задира и тянул за волосы юного господина, после чего тот подходил к своему слуге расстроенный. Марс стал следить пристальнее и однажды успел сжать запястье Эгольда, когда тот уже хотел дёрнуть за прядь Андрея. Мальчик испуганно запищал, но мужчина уже отпустил его.

– Прошу простить мне мою грубость, господин Эгольд. Но для меня всегда в приоритете будут благополучие и безопасность моего юного господина. – Сказал тогда сдержанно Марс и удалился, уводя с собой и Андрея.

Конечно же, о происшествии узнали. Эгольд почти тут же побежал плакаться своему учителю. Лира Михайловна, гордящаяся царившим в её доме духом английской аристократии и величия, которые ей, несмотря на русскую кровь, удавалось сохранять, разозлилась и велела отхлестать плетью по руке Марса. Инквизитор, призываемый к своему долгу крайне редко, исполнил поручение госпожи излишне усердно. В тот день Марс переменял немало перчаток: бинты не справлялись и быстро пропитывались. Зато после этого случая Андрей перестал даже замечать других слуг. Единственную тень, которую мальчик искал рядом, была фигура

Марса.

Старший брат Эгольда, Тихон, обучался игре на флейте. Под стать своему имени мальчик был молчалив, даже слишком. Обычно почти всё время визита у юного господина он сидел в углу на стуле за огромной вазой. Из тени этого убежища смотрели большие настороженные, как у испуганного кролика глаза. Марс всегда удивлялся тому, как у него хватало сил так долго сидеть в одиночестве и как его не завлекло внешне приветливое общество младшего брата и Андрея. Если же кто-то из взрослых заставлял его выйти из угла, то его присутствия никто не замечал. Тихон мог с полчаса стоять, передёргивая плечами, словно ему холодно, смотреть в пустоту и шевелить губами, как будто это было нормально. Никто бы его даже не окликнул.

Один раз Марс, у которого эта отрешённость Тихона вызывала жалость, решил попробовать разговорить и вовлечь гостя в игру со сверстниками. Он зашёл за вазу, с трудом нашёл фигурку мальчика и, чуть поклонившись, спросил с улыбкой:

– Господин Тихон, отчего вы всё время наслаждаетесь одиночеством? Мне кажется, что юный господин и господин Эгольд были бы рады вашему обществу.

И без того большие глаза увеличились ещё более, в тусклых зрачках зажёгся какой-то странный непонятный слуге страх. Тонкие выточенные пальчики побелели, вцепившись в плечи. Тихон вжался в угол. Марс растерялся, он впервые

видел, что ребёнок с такой силой прижимается не к матери, а к углу, к одиночеству. Этот зверёк, когда-то бывший человеком, передавал слуге какую-то тупую боль, стянутую страхом. Мужчина что-то пробормотал и скоро отошёл от этого пустого угла.

Потом Марс узнал из диалога наставников господ, что Тихона, имеющего уникальные физиологические задатки для игры на флейте, вырывали друг у друга из рук многие учителя. Предпоследний из них видел в мальчишке лишь цирковую зверушку. Он безжалостно отвешивал ему подзатыльники, бил по спине тростью в целях воспитания из него музыканта. А потом водил его по домам, где были празднества, чтобы, как он говорил: «Малишь набирались опыт». Сцены лучше учитель достать не мог, да и не хотел: здесь платили лучше. Поэтому Тихон усердно, боясь получить удар за дверь, нажимал на упругие клапаны, вдыхая своими большими лёгкими жизнь в блестящую флейту перед красными смеющимися рожками. Под ноги ему кидали кексы, пирожные, куски сахара, которые наставник, боясь, что из обиды ему заплатят меньше, заставлял ученика поднимать.

Родители, занятые тогда маленьким Эгольдом, не разбирались в ситуации. Им хватало осязаемого прогресса в игре мальчика и веры, что из него получится великий человек.

Тихон, ещё толком не понимая, что так быть не должно, что над ним издеваются, что им пользуются, терпел и грел в руках спасительную и проклятую флейту. Но однажды, ко-

гда на очередном «выступлении» его попытались заставить «плясать под дудочку», нечто гордое и звериное поднялось у него в душе. Он вырвал свою флейту из рук учителя, начавшего играть что-то весёлое, оттолкнул его и хозяина праздника, выбежал из дома.

Никто не знал, где он был весь вечер, но вернулся к учителю он заплаканный. Наставник не сдерживал ударов, он остановился только, когда мальчик уже не смог подняться с колен. С того дня Тихон не произнёс ни одного слова и отказывался играть на праздниках. Учитель злился, бил его, а потом, сдавшись, швырнул его на руки родителям, которые, подыскавшие уже педагога Эгольду, тут же отдали ему и Тихона. Новый наставник большими усилиями добился от нового ученика игры, но выступать на достойной сцене, которую он мог дать мальчику, уговорить не мог. Злился про себя, но надеялся, что со временем сможет достичь желаемого.

Андрей, обрадованный сначала новым приятелям, через пару дней разочаровался в них. Тихон всё время прятался от него так, что через неделю стал для него чем-то бестелесным: Андрей уже не мог точно сказать, какого цвета были у гостя глаза, высокий ли он был, и была ли у него улыбка. Эгольд же прекрасно играл один, ему не нужен был друг, он нуждался в подобострастном рабе, готовом восхищаться им. Андрей не хотел играть эту роль, у него уже был стержень, который не позволял ему сгибаться перед сверстником. Поэтому каждый визит Эгольда был продолжением спора, сра-

жения за первенство.

Марс, который хотел, чтобы господин общался с более простыми детьми, нашёл пользу и здесь. На примере поведения Эгольда он заставлял Андрея рассуждать, учил различать хорошее и плохое. А узнав историю Тихона, стремился оберегать своего господина от подобного. Но Лира Михайловна к своему достоинству пока не давала даже намёков на подобное отношение к своему воспитаннику.

Тяжелее всего Андрей терпел общество Русланы. Девочка была одного возраста с Тихоном. Она приходилась двоюродной племянницей Лире Михайловне, поэтому гостила почти каждый день. Мальчик пробовал завлекать её в игру, даже умудрился выпросить у наставницы пятнадцать мину в саду (под зонтом, конечно), но Руслана всегда на его слова надменно встряхивала серыми кудряшками и подходила к старшим. После нескольких её визитов, во время которых Андрею приходилось сидеть за столом, пока взрослые за чаем вели беседу, ведь его гостья сидела с ними, смотря глазами полными обожания на тётушку Лиру, мальчик стал учиться врать.

Лира Михайловна для практики уроков этикета обязала Андрея занимать Руслану или разговорами, или играми. Но мало того, что детей общество друг друга не интересовало, так Андрей получал ещё и выговоры за это от наставницы, хотя его вины тут и не было. Ему даже продлили время уроков этикета в ущерб отдыху то ли для наказания, то ли

для пользы. Именно тогда Андрей и стал делать неумелые попытки обмануть Лиру Михайловну. Один раз он, помня, что из-за головной боли однажды его освободили от принятия гостей, сослался на неё. В другой – отпросился сходить за игрушками, отказавшись от помощи слуг в этом деле. Марс, следовавший тогда за ним, ясно понимал, что шагает его господин медленно, цепляется руками за все двери и углы, а также выбирает самые длинные дороги он намеренно. Слуга всё понимал, но поливать ростки лжи не собирался. Однажды вечером, когда он сопровождал Андрея в комнату, Марс спросил:

– Господин, сегодня вы сослались на головную боль перед приходом леди Русланы и её матери, а потом, когда я хотел уложить вас в постель и послать за вашим доктором слугу, вы отказались и стали играть на пианино. Почему вы так поступили?

– Марс, мне не нравится играть с Русланой. Ей интереснее говорить с Лирой Михайловной, а Лира Михайловна за это недовольна мной.

Мальчик говорил абсолютно честно и серьёзно. Он не стыдился своего поступка и не скрывал его. Тогда Марс решил показать юному господину другую сторону лжи.

– Господин, представьте, что Лира Михайловна сказала мне в обед отвести вас в сад. А я...

– Марс, мы пойдём в сад?!

Слуге стало даже жаль разочаровывать эти засверкавшие

глаза, но он не мог врать.

– Нет, я же сказал: представьте. Так вот я должен был отвести вас в сад, но мне не хотелось стоять под горячим солнышком, поэтому я сказал вам, что в сад вам запретили идти...

Марс хотел продолжить историю и подвести её к нужному вопросу, но Андрей остановился и, с изумлением раскинув ручки, воскликнул:

– Но так ведь нельзя!

– Разве? А почему? – Марс понял, что верно создал ситуацию.

– Я же расстроюсь, когда узнаю. Мне... мне, наверное, будет грустно и обидно.

– Господин, но если Лира Михайловна и леди Руслана узнают о том, что вы им соврали и на самом деле не хотели разговаривать с гостьей, разве они не будут чувствовать обиду и грусть?

– Будут. Похоже, мой поступок был нехорошим. Но, Марс, я не хочу общаться с Русланой. Она странно ведёт себя. То подбегает ко мне и начинает так обнимать меня, что дышать тяжело, а потом тут же отпускает и убегает к Лире Михайловне.

– Я могу вам посоветовать рассказать Лире Михайловне свои мысли относительно визитов Русланы. Но только не лгите, не врите и не обманывайте. Правда иногда бывает нехорошей, обидной, но ложь и обман всегда приносят боль.

Марс понимал и видел больше Андрея. Руслана почти всё время визита старалась быть в поле зрения тётушки Лиры. Она сидела с взрослыми за чаем, ходила подле них, когда они собирались у камина или в галерее. Если же её отсылали к Андрею, то Руслана пристально следила, чтобы, когда взгляд Лиры Михайловны задерживался на них, стиснуть мальчика в своих руках или бессмысленно засмеяться, смотря на него холодными, странно выгоревшими, бесцветными глазами.

Бывало, что Руслана, как должно это ребёнку, засматривалась на игры Эгольда и Андрея. Но тогда к ней тут же подбегала её мать, леди Лузе, и что-то быстро шептала на ухо. Девочка вздрагивала, даже пугалась, и через минуту подбегала к тётушке Лире. Она, элегантно вскидывая руки, обнимала полные плечи родственницы и, смотря слишком живыми глазами, громко так, чтобы слышали все гости, говорила: – Тётушка Лира, помните, я вам недавно пела романс? Мне кажется, что было бы чудесно, если бы я пела его с Андреем.

Певица осторожно улыбалась, кивала головой, но старалась найти глазами Андрея, чтобы отослать племянницу к нему.

Да, совершенно не таких друзей Марс желал своему господину. Он ничего не имел против их происхождения, возраста и навыков, но он желал, чтобы молодой господин мог равняться на них, чтобы ему были в радость, а не в муку часы

с ними. Но как говорят люди: если жизнь даёт тебе лимоны, делай из них лимонад.

3

Так проходили эти недели. Они были до безумия однообразны: каждый день был таким же, как и предыдущий. Мальчик быстро привык к ним и откровенно скучал. На уроках был вялым, учителям приходилось вытягивать из него ответы клещами. За обедами, зная, что наставница не примет участия в разговоре, Андрей неохотно ел, косясь на окно или на Марса. Оживлялся он лишь на фехтовании, где он получал возможность двигаться и смеяться.

Вообще мальчик веселел и расцветал только к вечеру. Он жадно ждал того момента, когда Марс сядет подле его кровати и, превратившись в волшебника, рассказчика, раскроет перед ним целый прекрасный неведомый мир, который существовал только для него. Марс видел, что его господин одарён фантазией, поэтому, хотя и не мог видеть этот безграничный мир в комнате, но старался подробнее и красочнее рисовать для него словами. Ему самому нравилось рассказывать истории, легенды и сказки, ему нравилось делиться с этим юным слушателем тем, что его восхищало. Ему доставляло удовольствие рисовать узоры из слов, нравилось играть голосом, убаюкивая господина. Это счастливое спящее лицо приносило ощущение хорошо выполненного долга и спокойствия в душу мужчины.

Однажды Марс рассказал Андрею историю о лётчике

и принце. Мальчик, который обычно слушал всё молча, в этот раз внезапно откинулся с подушек и взволнованно спросил:

– Марс, а лётчик ведь щедрый?

Слуга понял, что его господин говорит об их разговоре в день знакомства.

– Конечно, и он, и принц, и лис, и даже роза щедрые. Одни делились заботой, другие знаниями, и все они делились любовью и дружбой.

– Ты говорил, что у них какое-то странное сердце? Какое оно?

– Это сложно объяснить, мой господин. Вы устали, вам пора спать. Давайте завтра вечером, я объясню вам, что такое хрупкое сердце. Но только если сейчас вы ляжете и уснёте.

Мальчик послушался. Марс посидел ещё немного, дожидаясь, когда светлые ресницы перестанут сильно дрожать на закрытых темноватых веках. Он взял канделябр и вышел из комнаты. Возле его двери ждал уже привычный поднос с ужином. Он выяснил, что еду ему оставляла и приносила кухарка. Её трогало, что Марс первый из слуг с такой ответственностью и заботой подошёл к юному господину, забывая про собственные нужды. Мужчина пытался уверить её, что всё нормально и оставлять ужин для него не стоит, но всё равно еженощно поднос оказывался у двери.

На следующий день всё было как обычно. Марс разбудил, собрал и сопровождал господина к завтраку. Отстоял за сту-

лом Андрея во время уроков, а после отправился с ним в зал для занятий пением. Господин был чем-то взбудоражен всё это время. Давно уже слуга не замечал за ним такого в учебное время. За завтраком взволнованные глаза мальчика несколько раз обращались к Лире Михайловне, робюющий ротик несколько раз раскрывался, словно хотел что-то сказать. Но так ничего и не говорил, зная, что в это время к нему глухи. Перед занятием пения Марс еле попевал за окрылённым чем-то господином. Перед тем, как пройти сквозь огромные двери в зал с чёрным роялем и Лирой Михайловной, Андрей остановился в коридоре, мерцающем от пылинок, освещённых в воздухе квадратными лучами солнца. Он обернулся на свою тень, на своего слугу, и улыбнулся ему немного робко, словно ища ободрения, но очень открыто. Марс ответил спокойной уверенной улыбкой и кивнул на дверь.

Мальчик вошёл. Лира Михайловна уже нервно сложила руки: она не любила, когда к её времени относились пренебрежительно. Андрей остановился возле наставницы. Все знали, кто что должен делать: Андрей смиренно ждал, Марс снимал с него жилет, пианист хрустел перстами, а Лира Михайловна нетерпеливо, словно кошка хвостом, стучала носком туфли о паркет.

Наконец, Марс удалился, перекинув жилеточку через руку. Он встал у стенки, расслабился и даже закрыл глаза, готовясь наслаждаться чудесным голосом. Но резко открыл их,

когда звуки пианино оборвались после первых острых нот. Андрей что-то говорил. Из-за того, что говорил он негромко, а голос его множился в большой зале, слуга не мог ничего понять.

Лира Михайловна замерла с натянутой улыбкой. Её тело заколыхалось от дрожи. На лице по кругу сменялись страх, непонимание, гнев. Всё также улыбаясь, наставница рванулась вперёд к мальчику, который, уже видя перед собой много странного и непонятного, сжался и не мог оторвать взгляда от этого нечеловеческого. Она сжала его хрупкие плечи своими полными дрожащими руками.

– Что за чушь ты говоришь?! – Чётко, жутко и грозно пронёсся по дому её полный голос. – Лётчик, щедрость? Что за бред ты мне говоришь, глупый мальчишка?! Кто научил тебя этой глупости?

Марс похолодел и сжался внутри, он бежал и не мог отвести взгляда от мальчика, которого сотрясали испуганный слёзы. За рокотом голоса Леры Михайловны мужчина слышал, как где-то рушится просторный, светлый город, именно этот грохот делал голос певицы таким страшным.

Он оторвал руки леди от своего господина. Мальчик тут же бросился к нему и приник. Марс поднял его, и Андрей, уткнувшись в плечо, разразился горькими рыданиями. У слуги разрывало грудную клетку от kloкотавшей в нём бури. Он встал так, чтобы господин не мог видеть Лиру Михайловну, и пылающим взглядом встретил её злое лицо.

– Это ты забил ему голову всякой нелепицей. Дурак. – Догадалась она. Звенящим голосом она приказала. – Успокойте Андрея, а потом один придите в эту залу.

Марс медленно выдохнул, резко и ломано повернулся в сторону дверей и пошёл. Его длинные ноги вылетали вперёд так, словно он принимал участие в параде войск. Длинные полы-хвосты фрака хлопали и развевались от быстрой ходьбы. Этот привычный, старомодный фрак, которой нравился ему всегда, теперь стал для него ненавистен. Брошь, висевшая на этом чёрном уродстве, казалась слишком хорошей для этого всепоглощающего чёрного лацкана.

Марс опомнился только на лестнице. Он вспомнил, нет, заметил, что у него на руке сидит ребёнок, нуждающийся в успокоении и поддержке. Вцепившись одной ручкой в брошку, а другой обвив шею, Андрей плакал. Всё его хрупкое тельце дрожало, временами, когда от всхлипов ему уже не хватало воздуха, он тоненько и пронзительно вздыхал. Слуга поднял руку, которой придерживал господина, и погладил его по светлым волосам. Мальчик прижался ещё сильнее.

Марс поспешил в комнату молодого господина. Обычно равнодушные к их паре слуги дома, в этот раз останавливались, оборачивались. Кто-то смотрел с удивлением, у кого-то на лице вырисовывалось что-то похожее на сочувствие. Несчастный ребёнок притягивал к себе всё внимание. И это было даже хорошо, потому что немногие замечали на лице

его тени злое, пугающее выражение. Те, кто видел эти потемневшие пылающие глаза, замирали, а слишком чувствительные служанки вжимались в стены.

Марс внёс Андрея в комнату и посадил на кровать. Он хотел оторваться от господина и сесть перед ним, но мальчик сильнее вцепился и заплакал настойчивее. Тогда мужчина пересадил его к себе на колени.

– Господин, – глухо позвал слуга. – Что вы сказали Лире Михайловне?

Мальчик не отвечал, только плакал. Тогда уже насильно Марс отвёл его лицо от своего плеча и вытер слёзы рукой. Андрей, всхлипывая, посмотрел на лицо, которое для него всегда служило призмой происходящего, и испуганно затих. Марс понял, что даже не попытался смягчить выражения, но так даже лучше: в адрес детей нельзя лицемерить, они слышат и видят больше, чем мы думаем.

– Господин?

Водя пальчиком по броши, Андрей прерывисто вздохнул и чуть охрипшим голосом сказал:

– Я сказал, что хочу быть лётчиком, чтобы быть щедрым человеком. Щедрый же человек хороший, Марс?

– Да, – Эхом тихо отозвался слуга. – Щедрый человек очень хороший.

Слуге стало понятно всё. И это понимание опустошило его, сделало несчастным. Странно, что он с самого начала не понял всего.

А мальчик ещё ничего понять не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.